

Фото Н.И. Гребнева

Амноканца (новая редакция)

В этих воспоминаниях рассказывается о жизни интеллигентной семьи, которая потонула на себе все превратности сталинской эпохи.

Сильные и жизнестойкие характеры, открытый ум перед лицом постепенно приводят их не только к тюремному (зачастому или посылному) суду происходящих в стране событий, но и растущему сопротивлению, враждебному в поступках весьма неординарных.

Все события увидели сначала глазами девочки, затем подростка и, наконец, взрослого человека, выступившим в самостоятельную жизнь.

— Нелли Александровна Морозова
1924—2015

Нелли
Морозова

Моё
пристрастие
к Диккенсу

Семейная хроника. XX век

Москва 2022

О чем скрипели жернова

Телефон с утра звонил не переставая. На киностудии ждали приезда начальства для просмотра готового к сдаче фильма и получения «последних» поправок, которые обычно оказывались не последними. Фильм был иностранный, дублированный.

Режиссеры дубляжа, как и вообще режиссеры (с той разницей, что последние несли ответственность за «свой» фильм), в то достославное время ходили по острию ножа. Неудивительно, что они не только не противились, а желали начальственного просмотра. Они искали *соучастников* в неведомом еще преступлении.

У администрации был свой интерес: квартальная премия за выполнение плана.

Вот почему телефон звонил не переставая.

Разные люди — кто-нибудь один боялся назойливостью навлечь на себя гнев — спрашивали безнадежными голосами, скоро ли мы приедем; просмотрный зал заказан на одиннадцать, а сейчас уже половина первого... Шофер машины, которая тоже ждала часа два, звонил из проходной... Я несколько раз снимала трубку внутреннего телефона и звонила Д., заместителю начальника главка, с которым должна была ехать «принимать» фильм, но секретарша отвечала: «Занят, как освободится — позвоню».

Наконец, режиссер прибег к последнему, жалкому аргументу — время истекает, зал отнимут для просмотра другого фильма. Это было смешно — каждому ясно: когда начальство приезжает,

↑ *Георгий Георгиевич Морозов*

налом и не оштукатурил дом изнутри — стены были бревенчатыми, — но обставил его по-барски.

Из всей обстановки остался только упомянутый письменный стол и четыре морских пейзажа на бревенчатых стенах. Надо думать, что остальное скрывшийся хозяин успел вывезти вовремя.

В столовой стояла неоконченная скульптура лирника материнской работы. В других четырех комнатах жили дед с бабушкой, три их сына, старший — женатый, с двумя детьми, и мальчик-сирота из дальней родни.

Когда приехали мои родители, после излечения отцовского туберкулеза, я чуть улавливала тень неприязни между дедом и моим отцом. Поэтому мне показалось, что дедушка привез письменный стол в знак примирения.

Но что случилось с ним самим!

Вместо полного сил человека перед нами был изможденный старик, едва передвигающий ноги, сотрясаемый страшным кашлем, издающий горлом сильные звуки при попытке заговорить.

Я знала, что дед был революционером-подпольщиком еще с тех пор, когда партия называлась РСДРП. Что он был героем Гражданской войны на Урале и его имя присвоено одной из улиц Челябинска.

И еще существовало в семье предание, будто дед имел отношение к охране царской семьи в Екатеринбурге.

Согласно преданию, к деду явились люди из Уралсовета с требованием выдачи им царской семьи для расстрела. Дед будто бы отказался и предупредил, что сделает это лишь по телеграфно-

*Скульптура Веры Морозовой ↑
«Лирник»*

↑ Нелли. На стене портрет мамы, нарисованный углем. Таганрог

Запрещенные игры

Дом Эммы Михиной — веселой упитанной девочки — был ей под стать своей веселостью и ухоженностью.

Янтарно навощенный паркет — он просто не потерпел бы на себе следов алебаstra — темное мерцание пианино с жаркой бронзой подсвечников, приросшие к своим местам безделушки.

В спальне Эмминых родителей между двумя кроватями была распластана шкура белого медведя с оскаленными зубами и черными пуговками глаз. На такой шкуре мог играть сам маленький лорд Фаунтлерой! И мы с Эммой играли на ней, отражаясь в большом зеркальном овале.

В их кухне был открытый очаг с решеткой, где в дождливый день так уютно жарилась на красных угольях кукуруза и, выстрелив, распускалась невиданными белыми бутонами. (У нас дома с кукурузой дело так и не наладилось.)

Эммина мать — стройная брюнетка, совсем не похожая на толстушку Эмму, — очень нравилась мне. Нравилось ее мягкое лицо и карие глаза, нравилось, что даже дома она одета в нарядное черное платье с кружевом, что она неподдельно разделяет наш восторг от выстрелов кукурузы. Что иногда она музицирует. Привычка запивать все сладким чаем — даже жареную картошку! — казалась ее неповторимой особенностью.

Когда возвращался с работы муж, она подавала обед, с радостной готовностью перечисляя блюда и рецепты их приготовления.

В нашем доме за столом о еде не говорили.

Человек с простоватым лицом — Эммин отец — был следователем НКВД.

Разумеется, в ту пору мне в голову не приходило задуматься о происхождении пианино, медвежьей шкуры и прочей буржуазной обстановки.

Эмма гордилась своим отцом. Я разделяла ее восхищение, выслушивая намеки на тайную борьбу отважных чекистов с коварными врагами.

Но многое оставалось неясным. Оказалось, что отец будет жить в Ростове в гостинице, а мы все в Таганроге, пока отцу не дадут квартиру.

— Дом уже строится, — бодро сказала мать. — И скоро мы будем жить все вместе.

Отец уехал, и мать зачастила к нему в Ростов каждую неделю.

Поначалу она возвратилась обрадованная, с известием о том, что в Ростов переехала столичная труппа Юрия Завадского, и ей отдано здание нового, только что выстроенного театра, которому присвоено имя Максима Горького.

Завадский заказал матери сделать бюст великого пролетарского писателя для фойе театра.

В нашей «столовой» на деревянном постаменте снова появилась глыба мокрой глины. Мать с азартом начала лепить.

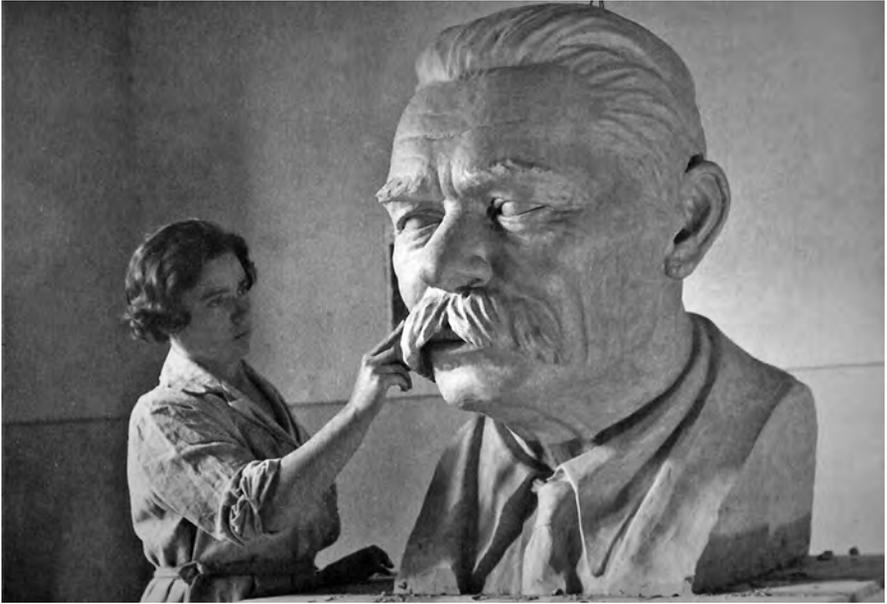
Из поездок в Ростов она привозила рассказы о прекрасных спектаклях, о сверкающем таланте молодой Марецкой. О том, что отец доволен интересной работой, общением с интеллигентными людьми.

Но это был короткий всплеск возрождения. Как-то необъяснимо быстро все опало, потускнело. Прежде всего сама мать. Она работала как одержимая. Но веселый азарт сменился суровой сосредоточенностью. Из Ростова она теперь возвращалась скупой на слова. Незаметно для себя тихо напевала. Это был дурной признак.

И в нашем городе как-то вдруг потянуло бедой. Кажется, первым был принесен слух об аресте Колесникова, директора «Красного гидропресса», взявшего Валю на работу после лагеря... Потом Мыльников, парторга другого завода, доброго отцовского приятеля, и еще, и еще, и еще... Передавались слухи шепотом.

Мать выслушивала их молча и с ледяным спокойствием уезжала к отцу.

Я чуяла все отчаяние этого спокойствия, и с тех дней в моей душе поселился страх. Причину его я боялась обозначить словами. Предпочитала молча сидеть по вечерам в кабинете и ждать телефонного звонка, ежеминутно обмирая от мысли, что сегодня телефон не зазвонит.

*Работа над бюстом Максима Горького для театра ↑
его имени в Ростове-на-Дону, куда была переведена
из Москвы труппа Юрия Завадского*

Валентин где-то пропал, и рядом со мной садилась Мотя. Ее взгляд, как и мой, был прикован к черному аппарату на столе. Мотя шумно вздыхала, потом начинала говорить, тоже избегая прямого наименования страха:

— Глупый девашк... Дайн фатер ист вор? Или мошен? Нихт вор, ниht мошен! Дайн фатер — шестный шеловик...

На этом месте я смотрела на Мотю с ужасом. Я слишком хорошо помнила, что ее фатер был «шестный шеловик» и чем это кончилось.

В Мотиных глазах тоже вдруг стекленел ужас. Она стряхивала его свирепым криком:

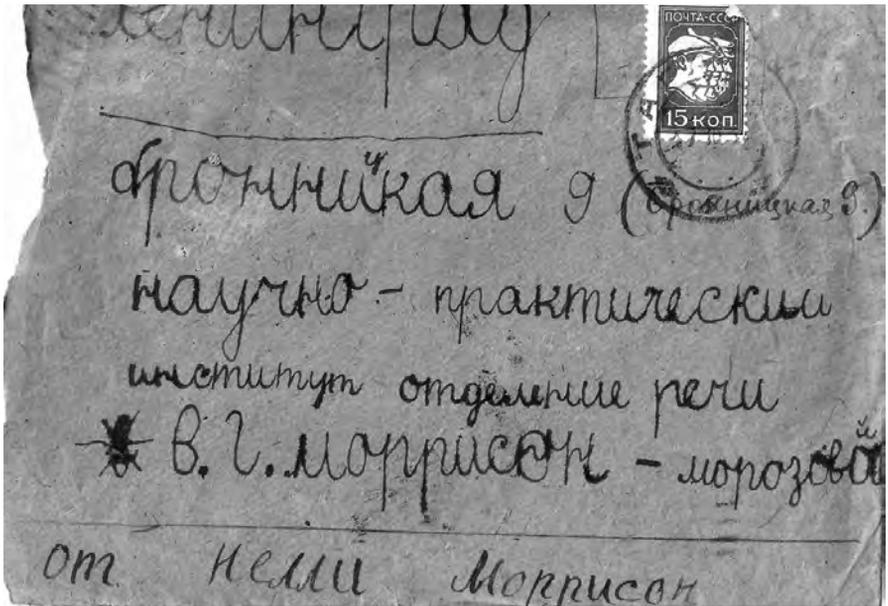
— Ка-ац! Пшель вон!

Постылаю, родной мой, тебе:
рубашку верхнюю льно
рубашку нижнюю полотенец
кальсоны зубную пасту
носки две пары две пары рубаш
платка носовых два
Я тебе два раза передавал по
десять рублей. Получил ли ты их?
Полотенец ли ты одиннадцатый
верхнюю рубашку? Я не получил.
3/III Крепко целую твою Веру.

Моррисон. 70 К. Ка-
информ

Александр Князькович.

Постылаю родная моя Верочка рубашку
нижнюю, рубашку верхнюю, кальсоны,
носки, платок, полотенце. Крепко целую.
Твой Шурка

Конверт письма. ↑
Здесь Нелли еще с фамилией Моррисон

Это подозрение вскоре тоже рассеялось. Я получала отличные отметки. Таганрогская выучка давала себя знать. Впрочем, уфимская школа оказалась ненамного хуже.

Видимо, они так и создавались в каждом городе, эти образцовые. Сгоняли бывших гимназических учителей, и «пролетарская» элита отдавала своих детей им на обучение.

Больше всех радовался моим успехам Мотя:

— Гляди, как повезло! Теперь я буду у тебя списывать. Хозяюшка оказалась способной! Кто б мог подумать? — Он, прищурясь, минуту смотрел на меня: — Нет, никто.

— Ах, так! — Я с размаху опускала портфель на его спину.

Ее красивая голубоглазая дочь Оля в пику матери ненавидела книги и «обожала» танцы с флиртом. Подходящих объектов для флирта в обозримом пространстве не было. Оля привлекала своей веселостью и отталкивала глупостью. Подруги из нее никак не получалось.

Зато симпатии Мирьям и грубоватая забота Саньки многого стоили. Но ни за какие коврижки я не согласилась бы возвращаться с ними вместе из школы.

Дело в том, что на углу, который не миновать, жили мои враги. Я никогда не видела их в лицо. Но стоило мне появиться, как из-за кустов палисадника раздавалось истошное:

— Трoцкистка! Трoцкистка! У-у, вражина!

Несносна была мысль, что мои одноклассники услышат эти вопли. Я пряталась в школе и уходила последней.

Однажды я почти миновала злополучный палисадник и уже поздравляла себя с удачей, тем более что позади слышались чьи-то одинокие шаги, как вдруг — удар в голову! — и меня засыпало какой-то дрянью. Она набилась в глаза, рот, нос, уши. Последовал знакомый вопль:

— Трoцкистка! Что, съела?! Вкусно? Трoц-кис-тка!

Ослепленная, я не могла сделать ни шагу и стала протирать глаза слюной.

Это была зола, завернутая в газетный ком.

Неожиданно вопли смолкли, и в тишине раздался треск раскальваемого арбуза. Я оглянулась. Тот, чьи шаги я слышала, мальчик лет пятнадцати, схватив за шиворот двух моих врагов, колотил их головами друг о дружку. Ослепив меня и уверовав в свою безнаказанность, мальчишки, наконец, высунулись из палисадника. И теперь орали дурным голосом.

Я хотела было поблагодарить моего заступника, но, представив свои пыльные волосы и грязные ручьи на щеках, пустилась наутек.

Матери сказала, что свалилась в канаву. Она молча поставила таз с водой на мангал.

Я знала, где искать утешения, и сразу открыла нужную страницу:

...Насильно сорвать ночной колпак со лба человека и водрузить его на голову неизвестному джентльмену неопрятной внешности — такой остроумный поступок, как бы он ни был оригинален сам по себе, относится бесспорно к разряду тех, которые именуется издевательством...

Еще бы! А как в таком случае назвать комок газеты, набитый золой и запущенный тебе в голову?

...мистер Пиквик, отнюдь не предупреждая о своем намерении, энергически прыгнул с постели и нанес Зефиру такой ловкий удар в грудь, что в значительной мере лишил его той легкости дыхания, которая связывается иногда с именем Зефира; после сего, снова завладев своим ночным колпаком, он смело принял оборонительную позицию.

— *А теперь выходите оба... оба!..*

Обидчик мистера Пиквика нагло плясал у него перед носом в тюремной камере. Мои — трусливо прятались в кустах.

...После такого смелого приглашения достойный джентльмен придал своим кулакам вращательное движение, дабы утратить противников научными приемами.

Я расхохоталась. В сотый раз испытываемое удовольствие от храбрости старого друга слилось со сладостным звуком раскалываемого арбуза. Жаль, я не разглядела лица моего благородного заступника... Отныне я мысленно называла его только так. И склонна называть до сих пор.

Чтобы избежать какой-нибудь подлой мести моих врагов, я сделала вид, что подружилась с девочкой по имени Тома, которая жила в противоположной стороне. Проводив ее после школы до дому, я возвращалась вдоль околицы с другого конца села.

но отказывались от этих даров. Обруганные «гнилой интеллигенцией», они и впрямь начинали испытывать комплекс своей *неслиянности* с «трудящимися массами» и спешили слиться с ними в языческом служении.

Свою собственную вину я ощущаю в том, что, испытывая лютую ненависть к кровавым делам и бесстыжей лжи, я тогда не смогла еще в осмыслении дойти до подлинных истоков того и другого.

Я знаю имя женщины, написавшей анонимку. Конечно, ее несколько подвели сроки. Но это не меняет дела. Она отнюдь не глупа, с университетским образованием, русская и сделала потом основательную чиновничье-партийную карьеру.

Вначале она притворялась моей приятельницей. Надо сказать, не без успеха. Лишь однажды, очевидно, подталкиваемая бесом, по Достоевскому, попыталась мне приоткрыться.

Теплым вечером шли мы после работы вниз по улице Горького, и она вдруг сказала:

— А вы ведь плохо меня знаете. Я — авантюристка, да-да! Можете себе представить, я однажды разгуливала по Москве в мужском костюме!

Женских брюк тогда не было еще и в помине.

— Зачем вам это понадобилось?

Недоверие в моем голосе явно задело ее.

— Надо было выследить одного человека! — с вызовом ответила она.

«Неверного возлюбленного!» — подумала я. Мне стало смешно. В своей жизни я встречала зловещих ряженных, и эта туда же со своим невинным маскарадом! Не могла же я знать (и слава богу, не подозревала каждого!), что она причастна именно к тому маскараду, который мог окончиться Кольмой. Позднее я прослышала, что ее отец был арестован и она отрекалась от него, чтобы вступить в партию.

Эти образины под сползающими масками лиц и все *вымороченные* подмены в жизни были лишь частью великого *Морюка*, царившего на нашей земле и обернувшегося великим *Морром*. Оба эти слова — у нас — требуют заглавной буквы.

С. Ф. С. Р.

ИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Т Е С Т А Т

естия выдан Морозовой Нелли,
году, в том, что она обу-
редней школе г. Уфы БАСОР, окон-
этой школы и обнаружила при
и следующие знания:

ИЗУ	ОТЛИЧНО
БРАТОВЕ	ОТЛИЧНО
	ОТЛИЧНО
	ОТЛИЧНО
И	ХОРОШО
И	ОТЛИЧНО
	ХОРОШО
	ОТЛИЧНО
	ХОРОШО
	ХОРОШО
	ОТЛИЧНО
У ЯЗ. (Нем. яз.)	ОТЛИЧНО
	ОТЛИЧНО

п. Директор школы Явнова
Учителя: Лерман
Крупницкая

17 дня, и ст. нотариус Государствен.-
онтеры гор. Уфы Башкирской АССР ЕМИ-
ьствам верность настояща" копии с

ЧАСТЬ III

«Где так вольно дышит человек»

Леонид Бахнов

Фотопослесловие

Книга дочитана. Автор поставила точку. На дворе — 50-е годы прошлого века. Первые, но так много значившие дуновения оттепели...

Давно это было. Точка. А ведь ее персонажам предстояло жить еще по несколько десятилетий. Включающих и оттепели, и заморозки, и просто будничную жизнь.

По большей части эта жизнь протекала на моих глазах. На глазах сына автора этой книги.

Поэтому предлагаю нечто вроде послесловия. Фотопослесловия. С небольшим количеством комментариев.

Вера Георгиевна Морозова

Начну с бабушки, маминой мамы, знакомой вам Веры Георгиевны Морозовой. С рождения и до пяти с половиной лет я жил с нею и ее мамой, своей прабабушкой, Екатериной Дмитриевной, в Уфе. Почему?

Вот что пишет мама в одной из не вошедших в книгу глав:

«Жить было негде, буквально. Моя мать, отбыв ссылку как жена врага народа, осталась жить у бабушки в Уфе.

Я преодолела заколдованный круг: без прописки нельзя устроиться на работу — прописаться нельзя, не работая, — с помощью тети, прописавшей меня в своей квартире под Москвой.

Мой муж сначала был прописан как студент (он кончал институт позже меня из-за войны), а потом должен был возобновлять временную прописку в Москве каждые полгода — с отказами и унижениями в милиции.

7. ←

Еще одна мамина подруга со времен ВГИКа — Нина Герман с мужем Владимиром Вишняком. В 1972-м они эмигрировали в Израиль, позже обосновались в Англии. Манчестер, 1985
(Фото Н.И. Гребнева)

8. ↓

Родители и Мима Гребнева в гостях у близкого друга, художника Вадима Сидура в его новой квартире. Конец 1970-х
(Фото Н.И. Гребнева)

↑ 9.

В конце 1940-х — начале 1950-х интеллигенция распевала песни тройцы отечественных «бардов» (тогда они еще так не назывались) — Алексея Охрименко, Сергея Кристи и Владимира Шрейберга («Жил-был великий писатель Лев Николаич Толстой...», «Вот ходит Гамлет с пистолетом», «Я был батальонный разведчик» и др.). Эти песни мгновенно ушли в фольклор, а поскольку являлись они не чем иным, как travestированными шаржами на «вагонные» песни, то их и стали распевать в вагонах, добавляя слезливые концовки и прося подаяния. Они были так популярны, что Юрий Трифонов в повести «Дом на Набережной» вспомнил одну из них. Сергей Кристи был одним из самых близких друзей нашего дома, дружба с ним длилась с 40-х годов. Он с папой на балконе у Гребневых. Середина 1970-х

(Фото Н.И. Гребнева)